

Вера
Шахова

Затмение

Вера Александровна Шахова

Затмение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73458643

SelfPub; 2026

Аннотация

Если вы любите:

- кофе, много кофе;
- философские разговоры на краю пропасти;
- магию на кончиках пальцев
- и героинь, которые сначала всё драматизируют, а потом идут и разносят врагов в хлам, потому что «не в мою смену», – эта история для вас.

После обычного, казалось бы, похода на крышу с подругой и бутербродами, героиня оказывается в месте, где реальность встречается с вымыслом, где живут духи и древние хранители границ миров. Абра – город стоящий на границе всех реальностей. Здесь кофе варят духи, в кабаках подают «Сердце орка», а лучшая подруга оказывается бессмертной сестрой.

Но у Абры есть проблема. Безымянные – существа без лиц и имён – крадут детей. Крадут их жизни. Крадут их будущее. И все ниточки ведут к главной героине. Она – ключ. Она – приманка. Она – та, кто может либо спасти этот мир, либо погрузить его во тьму навсегда.

Всё, что ей нужно сделать, – вспомнить, кем она была две тысячи лет назад.

Все иллюстрации, включая обложку отрисованы лично мной.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вера Шахова

Затмение

Часть 1

Я не понимаю, почему бóльшая часть преступлений совершается ночью: убивать хочется в основном с утра. Странно такое было от себя услышать, учитывая что огреть чем-то тяжёлым ранним утречком хотят именно меня – шизанутого жаворонка, радующегося жизни на рассвете и основательно подбешивающего этим всех знакомых сов, которых в моём окружении если не все, то почти. Даже не спрашивайте, как так вышло, – просто шутка вселенной. Но сегодня она особенно расстаралась.

– Ты что спишь? – ввалилась ко мне Маруська, грохоча ключами, на ходу сбрасывая башмаки и падая на расстеленную кровать, не обращая внимания на мой ночной колпак и пижаму с танцующими на ней скелетонами. – Как можно дрыхнуть в такое время? Ты видела, какая сегодня луна?! Полнолуние, затмение и красный цвет в одном флаконе! Пойдём прогуляемся, мне одной скучно, а муж пообещал нашинковать меня в винегрет, если от него не отстану! Вся надежда на тебя!

Ну да, если я в таком виде выйду на улицу, то все кошмары в ужасе разбегутся или, что вернее, принесут мне клятву верности как самому злодейскому существу на свете. Ибо красные глаза и отсутствие сострадания на моём, мягко говоря, совсем не добром лице в полночь сделают заикой любого, даже если он каменный памятник, охраняющий вечность. Не то чтобы я реальная ведьма, но любить всё человечество, включая лучшую подругу, начинаю исключительно с рассветом, а вот по ночам хочу спать и готова бороться за право спокойно обниматься с подушкой всеми доступными мне способами. Чаше хватает одного взгляда на жертву, чтобы та осознала всю никчёмность своего существования в данный отрезок времени и растворилась в ночных сумерках. Вот только Марусе на мои чары глубоко фиолетово. Понимает, зараза, что кого-кого, а её испепелить взглядом мне не под силу. Даже чертыхнуться не смогу, указывая направление, – понимаю: что куда бы её ни послала, придётся провозжать...

Вот и сейчас, сколько бы я ни сверлила её взглядом, понимала: полнолуние дожждётся моего внимания, и не где-нибудь, а на самой удобной крыше нашего города. С пледом, кофе, бутербродами и разговорами о вечности, после которых мы обязательно вяпаемся в очередное приключение.

Впрочем, мне самой с собой всегда легко было договориться: стоит понять, какая выгода от того или иного события. И если оно, событие, будет достаточно любопытно, что-

бы всунуть в него мой рыжий нос, или хотя бы пахнуть чудом, приключением, неизвестностью, обещая нескудные два часа, то определённо в него стоит влипнуть. Сейчас же вместе с Маруськой в дом вошёл совершенно таинственный и интригующий меня запах. Так может благоухать только море, если в него погрузить поля лаванды, смешать их с пением дельфинов под перестук падающих на крыши звёзд, оттого рассыпающихся в изумительные леденцовые конфетти, и добавить немного ароматного перца для хорошего чиха. Как от такого отказаться? В смысле – от похода за неизведанным?

Так что через пятнадцать минут мы уже шагали по ночному городу, играющему в пятнашки с нашими тенями. Ночью он становится настоящим. Когда в нём не гудят клаксоны, не перебивают тишину миллионы ничего не значащих фраз, не спотыкаются на ровном месте, сшибая фонари, уткнувшиеся в телефоны прохожие, и не орут во всю глотку похабные песни – город открывается. Улицы становятся шире, каждый камешек мостовой ластится к подошвам башмаков, словно приветствуя запоздалого путника. Фонари любезно приглушают свет, дабы не мешать любоваться звёздным одеялом, накрывшим небо. Старые дома приветливо поскрипывают деревянными ставнями, вызывая лёгкую зависть у недавно построенных небоскрёбов, смотрящих на мир пластиковыми окнами, которым не то что скрипнуть – рассказать пока ещё нечего: слишком мало всего произошло в их стенах.

От такого открытия я слегка растерялась, поняв, что мне

вскоре придётся пересмотреть порядок сна и бодрствования, чтоб успеть «осчастливить» своим видением чудес этой чарующей жизни всех сов, жаворонков, птеродактилей и летающих крокодилов, если такие водятся в нашей вселенной. Теоретически моего оптимизма должно хватить на всех. Осталось понять, как это осуществить, учитывая что я, как любой нормальный человек, работаю пять дней в неделю. А значит, время на показ городских (и не только) диковинок резко сокращается.

Именно этот момент я и обсуждала с Марусей, удобно расположившись на одной из крыш городской библиотеки, в ожидании, когда окончательно разойдутся облака, сквозь которые пробивались розовые лучи кровавой луны. Мы пили полночь из белых чашек – она горчила, обжигала, пахла тмином, мятой и стрекотала кузнечиками. Всё же ничто не сравнится с кофе, особенно ночью, когда последние сновидения, отчаявшись взять тебя в плен, начинают материализовываться наяву. Как сейчас.

Глядя в бесконечность неба, раскинувшегося над головой звёздным пологом, понимаешь: нет разницы между тобой и тобой. В том смысле, что возраст, опыт и, что греха таить, абсолютная безбашенность и вера в бессмертие даже на краю крыши – всё это ты. И как бы внешне ты ни менялся, по-другому одеваясь, дыша, разговаривая, воспринимая этот мир, ты всё тот же балбес, влюблённый в жизнь по самую макушку. Иначе как объяснить, что я сейчас сижу здесь, вместо

того чтобы видеть седьмой по счёту сон, жую бутерброды и с нетерпением жду, когда же покажется луна во всей своей красе? Ну не человеколюбием же к отдельно взятой подруге, раз уж не удалось её выставить за дверь.

Внезапно тьма, растрескавшаяся неоновыми огнями на зданиях, прервала мои размышления о вечном. Огромная луна, занявшая почти четверть неба, вышла из-за облаков, зацепившись за кончик телебашни. Та, в свою очередь, висела разноцветной гирляндой в ночном небе с мерцающими звёздами...

– Началось... – тихо выдохнула Маруська, а мне впервые в жизни захотелось придушить рассвет, что так не вовремя показался из-за горизонта...

* * *

– Слышь, подруга, заканчивай шинковать Луну, – толкает меня в бок Маруся. – Тоже мне, небесный стилист. Семь лун вполне достаточно, не находишь?

– Чего? – недоумённо я уставилась в небо, в котором, словно криво пришитые пуговицы, висели луны. Да, действительно семь. Между прочим, красиво, особенно левая, кокетливо завернувшаяся в полупрозрачный шарфик из кофейного цвета дымки.

– Нож, говорю, положи! – Маруся аккуратно забирает нож и остатки огурца нашинкованного для украшения очередного бутерброда. – Понятия не имею, как ты это делаешь, но моя теория, что ты ведьма, только что подтвердилась. А то,

что тебя до сих пор не пустили на опыты злобные учёные в поисках внеземной силы, так это просто никто ещё не отважился вытащить тебя из дома ночью.

– Сплю и вижу сны, – усмехнулась я, доставая из кармана штанов баночку с мыльными пузырями. Прекрасное средство, когда нужно чуть-чуть потянуть время для обдумывания ситуации. А сейчас как раз тот момент, когда очень надо подумать.

– Интересно, как ты будешь возвращать мою тушку обратно в постель, – выдуваю я первый прозрачный шарик.

– Ещё чего, – хитро усмехнулась Маруся. – Сама дойдёшь, не маленькая. А теперь смотри.

– Куда?

– Туда! – ткнула пальцем в пространство подруга, пряча улыбку в уголках губ.

Я честно всматривалась в огни телебашни и не видела в них ничего особенного. Небо гораздо интереснее; по крайней мере, телебашню хоть несколько раз в год я вижу, а вот семь лун – впервые.

– Ты присмотришься к основанию! – отобрала у меня банку с мыльными пузырями подруга и принялась выдувать волны и парусники.

– Мать честная... – выдохнула я, сообразив секунд через пять, что телебашня основанием упирается в одну из лун, а верхушкой воткнута в землю.

– Ага, хотела приключений? Получите – распишитесь. –

Как-то по-злодейски расхохоталась подруга и, быстро записав остатки нашего пикника в сумку, толкнула меня в спину. – Пошли посмотрим!

– Я сплю... – повторила я, кубарем скатываясь с лестницы. Если бы проводились Олимпийские игры по скоростному спуску с чердаков библиотек, я бы точно собрала все награды и звания.

– Спишь, не спишь, какая разница, потом разберёшься, – бодро ответила Маруська, шагая по каменной мостовой. – Хотя на твоём месте я бы всё же выбрала бодрствование. Обидно проспать такое приключение, выбирая впоследствии между локтями, какой больше хочется укусить. Так что, ещё кофе? Для бодрости духа?

– Ага! – энергично закивала я, подстраиваясь под шаг подруги.

– Сейчас будет! Вообще, в клуб, в который мы идём, попасть почти невозможно, запись на несколько лет вперёд. Но я, как ты понимаешь, его почётный член, поэтому могу приходить в любое время и даже с подругами. И заметь, ты первая, кого я туда веду – даже муж там не бывал! В общем-то, именно благополучие «Пяти карт» меня и беспокоит. Клуб как раз у подножия телебашни стоит, а она, как ты заметила, висит вверх тормашками.

Вообще, я бы так и оставила. Башня мне никогда не нравилась, а вот так – ногами в небо, с бегающими по ней разноцветными фонариками и дивным вьюном с сиреневыми ли-

стями, повывлезавшим из всех трещин, – очень даже ничего. Вот только кофе, да. В моём городе мало кто умеет его прилично варить, а уж кафешек раз-два и обчёлся. Так что открыть для себя третье место, где можно получить этот божественный напиток, – святое дело. Не то чтобы я сама не умею, очень даже могу и практикую, но одно дело – ты сама, и совсем другое – когда кто-то это делает за тебя, пока ты умираешь от любопытства, что же получится в результате. Однажды от моего разочарования даже затопило одну такую кофейню. Как сейчас помню.

Было нам лет по двенадцать. Осень. Мой день рождения. Идём в самое классное кафе. Было такое на Тихой улочке, двухэтажное. На первом тусовалась шалупонь, такая же, как и мы: покупающая мороженое, газировку и пирожные. Не особенно дорогие блюда. На втором можно было поесть по-настоящему: горячие блюда, салаты и совершенно невероятные торты, манящие и дорогие.

На торты и дорогой кофе у нас денег не было. Поэтому мы сидели на первом этаже, лопали мороженое, болтали. Мне безумно хотелось «Птичьего молока», «Праги» и кофе, и это желание прекрасно читалось на моей физиономии. Маруська даже пламенную речь произнесла, что вот вырастим и купим здесь самый большой торт, какой только будет. И кофе – по двухлитровой кружке! А не это смешное какао в крохотных чашках на два глотка, которое до нас никак не донесут. Ага, иногда мне кажется, что меня даже вскармливали не моло-

ком, а кофе, иначе как объяснить тот факт, что его запахом можно заманить мою тушку аж на край света? Впрочем, во всём остальном я крайне непритязательна. Лишь бы кормили и не забывали говорить, какая я замечательная. За это горы сверну. Ну, или верну на место, тут уж как получится. Но я, как всегда, отвлеклась. Какао нам, конечно, принесли, вот только от хвалёного вкуса там был только запах. Подозреваю, что просто чем-то пшикнули в воздух, а пить это было нереально. Ух, как я разозлилась, аж ногой топнула! В этот момент что-то ухнуло, и по залу пополз не очень приятный запах канализации.

На тот момент в нижнем зале нас было человек шесть, и всем предложили перейти на второй этаж, пока будут устранять аварию. А в качестве бонуса за причинённые неудобства всем дали по куску торта за счёт кафе. Мы получили «Прагу» и «Птичье молоко» и, надо же, по огромной кружке настоящего варёного кофе! С тех пор Маруська зовёт меня ведьмой и упорно пытается доказать это мне самой, впрочем, до сегодня у неё не получалось. Не то чтобы я была против – просто чудеса в моём исполнении были не самыми чудесатыми. Подумаешь, найти ключи, которые подруга зачем-то положила в холодильник? Так, обычная логика. Она всегда кидает ключи на тумбочку, а если их там нет, значит, в коробке с эклерами, которые она жевала по дороге. А придя домой, на автомате закинула всё в холодильник. Логично? На мой взгляд, даже очень! И магия тут совсем ни при чём!

В таких размышлениях мы бодренько дошли до «Пяти карт». Обещанной толпы у входа я не увидела, как, впрочем, и секьюрити, которые должны были эту толпу сдерживать. А вот что было действительно удивительно – это запах! Ни с чем не сравнимый волшебный аромат кофе с перцем, чувствующийся аж за несколько метров от этого удивительного заведения.

Защекотало в носу. Чихнула. Тут же сверкнула молния и громыхнул гром. Началась гроза. Маруська восхищённо выдохнула:

– Вот, говоришь, не ведьма! А завтра хорошую погоду можешь устроить? А то у меня свидание (не ржи, с мужем, между прочим), а зонтик сломался... Пошли уже внутрь, чудо моё, вымокнешь, лечи тебя потом. Сопли-то у тебя, как у настоящего человека.

– Марусь, а ты уверена, что самое популярное место в городе должно походить на вечеринку призраков? – спросила я (точнее, проорала), оглядывая абсолютно пустой зал с грохочущей музыкой. Да, на такое зрелище я точно не рассчитывала. Не то чтобы скучаю по дискотекам – если честно, вообще не люблю такие развлечения, – но осознание, что как минимум человек сто исчезло здесь и ещё неизвестно сколько перед входом, несколько обескураживало. Я бы даже сказала, пугало. Совсем чуть-чуть. Так, до лёгкой трясучки в руках и голодного бурчания в животе. Да, страх пробуждает во мне голод и, как бы так поточнее сказать, зверское любо-

пытство. И пока обоих не удовлетворишь, не уснёшь – проверено.

Не успев обойти танцпол, услышала, как сменилась музыка. Долбящее басами непойми что превратилось в шаманский бубен, ритмично отбивающий каждый мой шаг, приглашая совершить мистический танец. «Ух ты, – тут же подхватила предложение моя голова, уже не особо понимающая, что происходит, и оттого радующаяся чему-то знакомому». Тут же в пляс пустились ноги. Что ж, прекрасный способ победить страх, не находите? Танец с дѹхами предков – я танцевала в детстве, искренне веря в силы природы. Впрочем, с этой веры меня и сегодня свернуть невозможно. Музыка бубна завораживает, подчиняет своему ритму. И стоит лишь душе вступить в круг, как она тут же здоровается и заводит новые знакомства, ведя с дѹхами неспешный разговор.

Духи знают всё: мысли и мыслишки всех, кто жил, живёт и будет жить, поступки, ошибки – как совершённые, так и те, что поджидают своего часа на выбранных нами дорогах. Помогая увидеть себя, духи слой за слоем снимают всё наносное, налипшее, присвоенное по пути. Шаманский бубен звучит всё быстрее и быстрее, танец переходит в пляску огня и души. И вот все мешки, кирпичи, неподъёмные ноши, что мы тащим по жизни, называя «опытом», рассыпаются в прах, сжигаются в пламени, разожжѐнном невидимым, стучащим в бубен шаманом. И стоишь обновлѐнный, очищенный от накипи, посреди круга, ощущая себя новорождѐнным

ветром. Теперь ты – сама Любовь, юная, чистая, нежная. Такая, какой она пришла на Землю, родившись вместе с тобой. И самое сложное – не нацеплять пудовых гирь: с ними как-то не полетаешь. Кто шептал мне эти слова, не знаю, но ощущала я себя именно этим ветром, влюблённым в жизнь по самую макушку, где бы эта самая макушка у ветра ни была.

– Эй, – выдёргивает меня из замороженного круга мыслей и танца Маруся. – Ты вроде как за кофе пришла?

Вот что подруга действительно умеет, так это возвращать меня в исходную точку одним словом. Что бы ни происходило, какие бы небеса ни падали или, наоборот, ни уносили в свои непостижимые сокровищницы, одна её фраза – и я снова стою двумя ногами на земле. Ладно, не буду врать, одной ногой, но стою же! А огромная чашка с дивно пахнущим кофе, сунутая мне под нос, тут же вернула на место и мою запутавшуюся в звуках и ритмах голову.

– Слушай, – вещала я, слизывая бело-коричную шапку, – до меня только что дошло, что всё это – розыгрыш! Ну да, где-то поставлены камеры, и диджей меняет музыку под каждого, кто заходит и начинает дико озираться в пустом зале, не понимая, что происходит. Где-то прямо сейчас должны выскочить ведущие с воплями и хлопучками, объявив нас призёрами этого конкурса розыгрышей. Уверена, что лучше меня никто коленца не выкидывал! Да и кофе с кухни не тырил.

– Если бы, – вздохнула Маруся, доставая из-за стойки ме-

нажницу с орехами. – Пока ты тут впадала в транс, я всё обошла – нет тут никого. Даже заваливающегося привидения. Фиг знает, куда все подевались.

– Зато кофе халявный, ещё сварить? – засунула я пятерню в ореховую смесь. – Я, конечно, и сама могу, но когда кто-то для тебя старается, это вдвойне вкусней!

– Обжора! – хохотнула подруга и подвинула ко мне пакетик с «Рафаэлками».

– Ага, – счастливо кивнула я, осознав, что одного врага под названием «голод» я сегодня точно одолею, а там, глядишь, и любопытство удовлетворю.

А у самой в голове лишь смешные мысли крутятся: вот почему, скажите на милость, в барах всегда присутствует алкоголь или кальян? Почему не вот эти конфетки «Рафаэлло», например? Представляете – открыть «Рафаэлло»-бар?! Такой же тёмный и злачный, как обычный питейно-танцевальный, только стойка вся липкая от ванильного крема.

– Эй, бармен, дай-ка мне ещё две! – кричит лысый мужик в татухах с головы до пят.

– По-моему, тебе уже хватит, милый, – обнимает его за шею хрупкая блондинка в коротких кожаных шортиках. – Пошли лучше домой...

– Я сам знаю, когда мне хватит, чёрт тебя дери! – стучит здоровяк по стойке и, развернувшись к бармену, гневно: – Хватит ржать, давай сюда всю пачку!

В это же время в углу бородатый мужик с внешностью

Одина встаёт, покачиваясь, и восторженно бьёт кулаком в стол:

– Да-а-а-а! Мне попалась с двумя орешками!

А его соконфетник уже лежит под столом без сознания, и всё лицо в кокосовой стружке.

– Да, Верунь, ты всё-таки неисправимая сказочница! – ржёт Маруся. – Впрочем, именно это и позволяет тебе не сходить с ума в нашем излишне рациональном мире.

– Думаешь, я ещё нет? – хмыкнула я, будучи абсолютно уверена, что кто-кто, а я точно с безуминкой, даже если это пока ещё не очень заметно.

– Хватит уже пустых разговоров! – раздался за нашими спинами хриплый мужской бас. Вот честное слово, если бы не высокая спинка барного стула, я бы точно с него свалилась, а так просто подпрыгнула – да, вместе со стулом...

Внимательно осмотрев сердитого мужичка, стоявшего в дверном проёме позади нас, я на всякий случай принялась к кофейной чашке – просто так такое не чудится. Но кофе пах кофе, и даже без намёка на коньяк или ликёр из крыльев мохнатой стрекозы, который мог бы дать такой эффект. Следующей, как мне показалось, удачной мыслью было швырнуть чем-либо в этого наглого хоббита, удивительно напомнившего мне одного из ведущих игры «Форт Боярд». Рюкзак, лежавший у его ног, так же не предвещал ничего хорошего. Но под рукой были только орешки, а их жалко.

– Что сидите? Пошли! – мужичок деловито подхватил

свою ношу, чуть ли не с него ростом, и кивнул в сторону зелёной таблички с надписью «Выход».

«Ага, сейчас, разбежалась! – усмехнулась я про себя. – Делать мне больше нечего, как бежать вприпрыжку за неизвестно кем в ночь», – и, демонстративно отвернувшись, потянулась к кофейнику. Знаю я таких с рюкзаками: стоит лишь поддаться искушению – и ты уже догоняешь ладью Фёдора Конюхова, причём сидя на вёслах. Нет уж, я любитель спать в своей постели, а не висеть в гамаке над пропастью, восхищаясь грацией тигров, нежно любующихся тобой на фоне заката. Да какой к чёрту любитель? Я самый настоящий профессионал спать у себя дома! Так что обойдусь без вдохновлённых красным полнолунием любителей экстрима, походных кухонь и, прости господи, спальников, в которых можно спать прямо в заснеженном поле при минус... в общем, не важно каком, главное, что отрицательные температуры мне противопоказаны. А то, что на дворе лето и тепло, ничего не меняет: мало ли куда собрался этот красавец с задорно торчащим носиком железного чайника, висящим на поясном ремне.

Маруся, глядя на моё решительное лицо, лишь усмехнулась, прекрасно зная, сколько раз я клялась прилипнуть к стулу, чтоб не выходить за порог, и при этом стартовала за приключениями по первому свисту. Ибо нефиг: если зовут – надо бежать, а куда – потом разберёмся, интересно же! Но в этот раз я точно была намерена вернуться домой не из далей

дальних, а вот прямо из этого клуба, вот только кофе допью – и сразу домой! А все эти тайны, чудеса и невесть куда пропавшие люди пусть сами разбираются, что тут произошло и во что они вляпались. Я спать!

Мужичок потоптался на месте, криво усмехнулся и подвинул высокий стул поближе к барной стойке. Залез на него, выудил из рюкзака чашку, потряс над столешницей, высыпав на стойку два десятка имбирных печений, и схватил кофейник.

– Ни фиги себе, – тихо присвистнула я. – Тоже хочу такой фокус. Научишь?

Коротышка лишь пожал плечами, налил кофе и щёлкнул пальцами. Из ниоткуда появилось пенное облачко, медленно проплыло над столом и плюхнулось в чашку незнакомца, превратившись в коричневого цвета сугроб. Под моё с Марусей ошарашенное молчание мужичок слизнул молочную пенку, удовлетворённо прищёлкнул языком и откинулся на спинку стула. Так же молча оглядел своими кошачьими глазами потолок, не выдержавший такого внимания и пошедший трещинами, сквозь которые тут же поползли выюны с крохотными цветочками, напоминающими звёзды.

– Нельзя просто так взять и остановить рассвет, просто потому что тебе вдруг взбрело в голову, что именно этот миг – самое прекрасное, что есть на свете. За каждое изменение действительности надо платить. А самое поразительное, – тут незнакомец шумно отхлебнул из чашки, вновь цокнул

языком от удовольствия и продолжил, – что ты даже не поняла, что сотворила, так?

И, уже обернувшись к Марусе, продолжил:

– Ну, не верит человек в свою силу, бывает. Так же как не верит в смерть, пока она не схватит за шкуру. И в жизнь тоже не особо верит, пока она, устав топтаться на пороге, не обрушится со всеми звуками, запахами, чудесами. Правда, зачастую слишком поздно, когда уже нет времени всё почувствовать и оценить...

И вновь повернулся ко мне:

– Не представляю, где ты научилась своим приёмам, но ведёшь себя как вдохновенный художник.

– Чего? – я аж подавилась печенькой.

Маруська, всё это время с усмешкой наблюдавшая мою ежесекундно меняющуюся физиономию (точнее, всю ту гамму чувств, что наперегонки носились по моему лицу), была точно уверена: мужичка я точно не выпущу, пока не научу этим фокусам с печеньками и облаками. Что-что, а выпендриваться я очень люблю, а тут такое! Захочешь – не откажешься.

Незнакомец, словно прочитав мысли подруги, вновь прищёлкнул пальцами, отправив в мою кружку цветок фиалки. Тот, чуть коснувшись лепестками едва остывшего напитка, закрутился, словно попав в водоворот, и едва не выплеснул на стол моментально закипевший кофе.

– Даже если не верить в себя, но при этом мечтать так от-

чаянно, что аж само мироздание прильнёт к замочной скважине посмотреть, кто так вопит по ту сторону дверей, что аж уши закладывает. После чего усмехнётся и махнёт по самое-самое, чтоб ты наконец поверила в то, чего не может быть, – что всё не зря. Я ради таких моментов постоянно выкидываю что-нибудь этакое. Но остановить рассвет, замкнуть время на незримой секунде, чтоб нашинковать луну, словно головку сыра, – я не только сам не устраивал, а даже и не вспомню, проделывал ли этот трюк кто-либо в этом прекрасном мире, да и в других тоже.

– Не перегибайте палку, – усмехнулась я. – Я тут ни при чём. Просто день сегодня такой, не самый лучший. Точнее, был таким, пока на крышу не залезли. Знаете, как бывает: бестолково начался, когда с самого утра хочется только молчать и желательно в одиночестве, но приходится рисовать лицо, улыбаться и ощущать себя совершенно беспомощной под прекрасным летним солнцем, которому хочется зафигачить в глаз за его хорошее настроение. Но именно в этот момент даёшь себе подзатыльник, запрещаешь ныть, вспоминаешь, что жизнь прекрасна, и, дав себе пендаля, влетаешь в жизнь, словно завтра не существует – только здесь и сейчас. А позволив себе раскиснуть, ты просто себя отменишь навсегда, а это страшно, очень. Потому что, если переложить жизнь на завтра, послезавтра, – это почти то же самое, что не жить никогда.

Конечно, завтра наступит. Глупо думать, что оно отменит-

ся, просто подчиняясь моему настроению, но зачем рисковать? Из любого правила есть исключения, и никто не даст гарантий, что завтра непременно наступит. Так что я не могу позволить себе не верить в жизнь, чудеса и быть в плохом настроении больше пятнадцати минут. Иначе кто знает: может, и ничего не случится, а может, мир пойдёт трещинами и обрушится на мою бедную голову. А она у меня одна, и я её люблю, потому берегу. Так что смеюсь, что бы ни случилось, просто ради сохранения равновесия: небо сверху, земля снизу, я между ними ношу радужным ветром, и это есть неопровержимое доказательство моего бытия. А луна? Просто это было так красиво, что очень захотелось задержать это мгновение.

– Что ж, считай, тебя услышали. – усмехнулся мужичок. – Так с ноги ещё никто не вваливался в приёмную к вселенной. И она, совсем офигевшая от твоей наглости, послала меня проводить тебя к её ногам с одним лишь вопросом: «Где ты вообще шляешься?» И поверь, за этой зелёной табличкой с надписью «Выход» ожидает настоящая жизнь, состоящая из бесконечного множества невообразимых возможностей, таких соблазнительных – только успевай хватать за хвост. Да и надо же как-то запустить ход времени, который ты так лихо остановила...

– Да уж, могу представить себе это «Шоу Трумана» с миллионной аудиторией, припавшей к экранам, наблюдающей за невообразимо прекрасной мной. Я, конечно, верю в чуде-

са и до невозможности наивна, но не настолько, чтобы вот прямо сейчас бежать за неверным светом софитов в ожидании мировой славы. Я в этом плане совершенно неправильная, так что поищи звезду экранов в другом месте, – буркнула я несколько более обиженно, чем хотелось бы.

Всё-таки фокусы этот низкорослый мужик показывал классные, совсем как настоящий маг и чародей, – хотела бы я так. Выпендрёж – одно из моих слабых мест, и хотелось бы вот так же круто и при этом с таким же выражением лица, словно ничего особенного не произошло: подумаешь, подогреть кофе одним щелчком пальцев, вообще не вопрос. Но этот гад точно решил не расставаться со своими тайнами. Ну и ладно. Лопну от желания, но просить научить не стану. Если только совсем чуть-чуть.

Мужичок пожал плечами, словно ничего другого от меня и не ожидал. Неторопливо развернул фантик «Рафаэлки» и отправил конфету в рот. Пока он с явным безмятежным наслаждением жевал, я мысленно успела уже с десятков раз огреть его сковородой по невозмутимой голове и столько же раз оживить, чтобы ещё раз доказать, что моё терпение не безгранично. Заодно, мысленно, конечно, досталось и Маруське, наблюдавшей всё это со стороны и внутренне хохотавшей так, что стены тряслись. Впрочем, чисто внешне она была удивительно спокойна, демонстрируя совершенно недоступный для меня дзен.

– В Китае есть пословица, – наконец заговорил мужичок

и потянулся за следующей конфетой, – смысл которой в том, что идеальное дерево идёт на изготовление мебели, а кривое и согнутое продолжает жить своей жизнью в лесу. Мы так стараемся быть ровными деревьями, что иногда даже не замечаем, как из нас делают стол или кресло, обтёсывают, полируют и перевозят по своему усмотрению. Поэтому очень важно помнить обо всех своих изъянах, трещинах, сколах и личных витках. Холить и лелеять их и оберегать от тех, кто подходит к нам с топором. Именно эти особенности позволяют продолжать жить в своём лесу, в окружении таких же, неправильных с точки зрения окружающих, счастливых деревьев. Закрой глаза, я покажу тебе то, от чего ты хочешь отказаться.

И, конечно же, я как миленькая их закрыла, ладонями, предварительно зажмурившись, и даже успев подумать, что неплохо бы ещё и повязку где-то надыбать, чтоб не подглядывать. Всё-таки я очень любопытная.

Предо мной встал тихий осенний вечер, листья медленно кружили в воздухе, словно танцуя под лёгким дыханием ветра. Стоя на знакомых улицах своего родного города, я узнавала каждую улочку, каждый дом, ловя незнакомое доселе ощущение, что здесь происходит что-то странное, неуловимое и до боли знакомое. Словно давно забытое нечто прекрасное стоит за порогом в ожидании кинуться мне на шею, но не решается, пока не позову.

Я всегда верила в то, что мой город полон загадок. Ста-

ринные здания, освобождая шёпоты ушедших эпох, хранят тайны, о которых никто не говорит. Но именно сегодня что-то изменилось. Шагая по старой улочке, отчётливо ощущала щекотание ветра на коже – словно невидимая граница проходит совсем рядом. Незримая, немислимая, но в то же время отчётливо существующая, как граница, отделяющая день и ночь, жизнь и ту сторону реальности, называемую снами.

Я останавливалась у старых домов, заглядывала в окна, стараясь разглядеть, что за ними происходит, угадать, кто живёт, чем дышат, что за странные тени бегут по стенам. В это же время разноцветный ветер подталкивал в спину, предлагая не терять время и шагать дальше, в миры, о существовании которых я даже не подозревала.

Пространство подёрнулось дымкой, осыпалось мелкими серебристыми цветами, улицы развернулись, став шире, жёлтым светом вспыхнули фонари, соревнуясь нежностью с уходящим за горизонт солнцем. Город определённо был рад меня видеть, и в то же время мы разглядывали друг друга с таким любопытством, словно впервые встретились. Подоконники домов красовались яркими цветами в глиняных горшках, люди с улыбками на лицах перешёптывались о недавно увиденных снах. В воздухе витала магия, до которой не удавалось прикоснуться до этого момента. При этом она пахла корицей, чёрным молотым перцем и солёной морской водой. «Именно так пахнет счастье», – подумала я, стараясь удержаться на ногах, ибо голова совсем пошла кругом.

Впрочем, ей прощительно, она у меня очень впечатлительная, а тут закружится что угодно.

Немного придя в себя, осмотрелась и заметила, что в стороне, возле фонтана, сидит мой знакомец, только волосы у него здесь абсолютно белые, заплетённые в миллион косичек, сплошь обвитых лентами из сверкающего света. Кошачьи глаза хитро глянули в мою сторону на секунду, не сомневаясь, как и зачем я здесь.

– Здесь граница между мирами, – чуть откинувшись назад, жмурясь на яркое солнце, произнёс мужичок, едва я села рядом. – Ты сейчас в городе, в котором сходятся реальность и сновидения. Здесь сбываются мечты, но иногда они требуют жертв.

Сказать, что моё сердце чуть не выскочило из груди от восхищения и любопытства, – значит не сказать ничего, оно буквально постаралось проломить рёбра от восторга. Но я, молодец, довольно быстро взяла себя в руки и как можно спокойнее решила уточнить, что за жертвы он имеет в виду, поскольку ни себя, ни Маруську класть на жертвенный алтарь своего любопытства не собираюсь, разве что только отловить кого-то, кого не жалко. Но таких почему-то не вспоминалось, так что придётся обходиться без жертв. Интересно, а арбузы сойдут на эту роль? Они тоже нашпигованы сюрпризами, богаты внутренним наполнением и способны менять свою сущность.

Коротышка лишь усмехнулся. Явно был в курсе, что, ко-

гда я нервничаю, могу молотить любую чушь – она меня успокаивает.

– Мир, который ты знаешь, полон ограничений. Но здесь каждый камень пропитан волшебством, и ты можешь творить невероятные вещи, – невозмутимо ответил он на мой вопрос. – Однако всё имеет свою цену.

И снова замолчал. Так мы и сидели, пропитываясь запахом магии, как мясо специями. Искристая энергия заполняла воздух, одновременно проявляясь как жизнь и смерть, связанные одной нитью, как мечты и реальность, что тянутся друг к другу через немыслимые потоки чего-то такого, на что у меня не хватало слов.

Солнце пробежалось по небу и скрылось за горизонтом. Площадь заполнили люди, окружившие старое дерево, на котором висели фонари, освещая ночное небо. Каждый фонарь рассказывал свою историю – о любви, утрате, о том, что было и что могло бы быть. Их шёпот звучал как магические ноты, наполняя атмосферу сладким запахом ностальгии. Я подошла ближе, сердце требовало немедленно выпустить его наружу от осознания, что каждое желание может быть исполнено, но лишь за определённую цену. Вот только какую? Мужичок, чьего имени я так и не узнала, продолжал неподвижно сидеть на лавочке у фонтана, не горя желанием спасти меня от любопытства. Вместе с принятием факта, что в этой вселенной возможно всё, пришла мысль, что на этой границе миров нельзя оставаться навсегда. Я должна вернуться до-

мой, и это не подлежит обсуждению.

Открыв глаза, какое-то время пыталась сообразить, где я и, собственно, кто? И как вообще жить с таким знанием, что магия всегда была рядом, нужно было лишь увидеть её? Каждое мгновение было драгоценным, ибо эта граница была не только между мирами, но и между возможностями. А теперь всё, эта ночь закончится, я проснусь окончательно и взвою от лишённости всеми этими чудесами управлять?!

Слёзы предательски засели в уголках глаз, готовые в любой момент извергнуться Ниагарским водопадом, затопив все реальности вместе взятые. Маруська лишь сочувственно покачала головой, подала новую чашку с кофе. Сейчас я была уверена, что эта строгая девчонка, помешанная на букве закона, ходячая энциклопедия всех мыслимых и немыслимых правил, точно знала, что случится сегодня, и ни секунды не сомневалась, что я вляпаюсь в это приключение и ещё добавки попрошу! А ведь всю жизнь была мне якорем. Чтоб не снесло мою крышу раньше времени. Поздравляю, крыша даже чирикнуть не успела, насколько быстро унеслась, даже записки не оставив, где искать в случае крайней надобности.

Эти двое явно ждали что-то от меня, хоть одно слово, но теперь пришло моё время помолчать, а их – загибаться от любопытства. Слишком много свалилось на меня за эти несколько часов. По моим подсчётам, уже давно прошли пара суток, на самом же деле даже светать не начало. Но чего только во снах не бывает.

Сны... или явь? Что из них настолько насыщено энергией того, что когда-либо существовало и когда-либо будет? Где нас не просто встречают, а ждут, дышат идеями и мечтами, которые уже не раз воплощались и канули в Лету. Где каждый сантиметр пространства пропитан спектром возможностей, которые только и ждут, чтобы их заметили.

Из всего этого я знала только одно: наживку я заглотила знатно, крючок подобран точно, не сорвусь, хоть на кусочки режь. Зелёная табличка с надписью «Выход» открывает дверь в другое измерение. Вступаешь на порог, и перед тобой раскидывается бескрайний мир, наполненный красками и звуками, которых я даже не могу себе представить. Необычные формы жизни, удивительные технологии, магия и реальность сплетаются в одно целое. Каждый выбор здесь имеет значение, и каждая тропинка может привести к неизвестной судьбе.

Какого рода жизнь ждёт за этой дверью? Удивительное – это лишь начало. Там можно творить, мечтать, исследовать, разрушать, создавать реальность своими собственными руками, открывать неизведанные миры, где законы природы потеряют своё значение. Каждый шаг – это новое знание, а каждая встреча – возможность изменить направление своего пути.

– А чего ты, в общем-то, хотела, скрываясь за привычными заборами повседневности? – думала я, ковыряя ложкой пенное облачко в чашке с кофе. – Писала свои сказки, впры-

живая в каждого героя как в костюм, чтоб хоть на минуту оказаться не здесь и сейчас, а там, где приключения сыплются на голову как из прохудившегося мешка, со всеми возможностями сразу? Просила? Просила! Получите, распишитесь. И сейчас у меня только два варианта: пойти домой и прожить вполне спокойную жизнь, изредка подвывая в полнолуние, сидя на крыше, или шагнуть в дверь под этой зелёной табличкой, скрывающей не только красоту, но и вызовы, которые заставят пересмотреть своё отношение ко всему, что успела узнать. И, возможно, погибнуть. Кто их знает, на какие там жертвы намекал коротышка.

Словно подслушав мои мысли, мужичок закинул в рот очередную «Рафаэлку», поднял с пола рюкзак и, смешно переваливаясь, потопал к двери, обернувшись у порога:

– Ну что, готова прогуляться по этой тропе возможностей? Бросить вызов судьбе и исследовать, что же на самом деле скрывается за пределами твоих представлений о реальности? Если да, тогда прекращай изображать статую. Выход открыт. Всё, что тебе нужно, – это желание двигаться вперёд. Твоя жизнь ждёт своего истинного начала.

Маруська, этот змей-искуситель, уже стояла в дверях с моей сумкой, между прочим. С другой стороны, а что я теряю? Рассвет вот-вот наступит, я проснусь и поржу над этим нелепым, но таким заманчивым сновидением. Шумно выдохнув, залпом допиваю остывшее кофе и бегу догонять эту чудную парочку, успевшую свернуть в центральный парк. Утренний

воздух влажно пахнет цветущими травами, на горизонте по-прежнему лежит серебристая лента, обещающая скорый расцвет. В небе висят семь лун, и семь лунных дорожек отражаются в озерце, на берегу которого мирно дремали утки.

– Пришли, – скинул рюкзак на землю коротышка. – Это здесь.

– Что здесь? – удивлённо озиралась я, не наблюдая ничего, кроме деревьев и пары лавочек.

– Твоё испытание, – пожал плечами мужичок. – Правильно сформулируешь запрос – получишь и магию, и приключения, и три шила в придачу к своим. Не надорвись только. Ошибёшься – тоже получишь желаемое, только без чудес и забудешь эту ночь, меня, вообще всё, что случилось с того момента, как Маруся постучалась в твою дверь, позвав на прогулку. Разве что тоска по непонятно чему будет иногда посещать, но это тоже вскоре пройдёт.

– Так, а чего я могу пожелать и у кого? – повернулась я к разувшейся подружке, уже вовсю обнимающейся со старым толстым деревом. – Маруся, ты чего?

– Я, конечно, никогда не сомневалась в любви подружки к живой природе, но её выражение лица меня потрясло. С таким только в любви признаются, предварительно пообещав подарить не только сердце, но и почки, обе, сразу, чтоб наверняка умереть в сладчайшем катарсисе, если откажут в милости принять тебя, такую замечательную, целиком.

– Не мешай! – сверкнул коротышка зелёными глазами. –

Лучше думай, что сама просить будешь!

– С таким лицом? – рассмеялась я. – Спасибо, это было отличное шоу! А теперь я, пожалуй, пойду домой! Марусь, прекращай паясничать, нам ещё через весь город пить! Считайте, шутка удалась, я и все зрители довольны!

Отвесив шутовской поклон мужичку, развернулась к подруге и застыла в немом изумлении. Маруся таяла. Знаете, как предрассветный туман растекается под лучами солнца? Он истончается, словно промокашка, упавшая в воду. Так и Маруся исчезала, словно и не было. Я недоумённо ощупывала воздух и отчаянно пыталась придумать, куда делась подруга, ну не под землю же провалилась?! От всех этих фокусов голова шла кругом. Единственным шансом не потерять её было немедленно сесть на землю, что я незамедлительно и сделала, обхватила голову руками (так, на всякий случай, чтоб не отвалилась ненароком) и вопросительно уставилась на мужичка. Но тот, вместо ответов, начал разматывать лунны, словно мотки пряжи. Одна за другой серебристые нити наматывались на его кулак и отправлялись в его же карман.

– У тебя почти не осталось времени, – меланхолично произнёс коротышка. – На твоём месте я бы поторопился.

– И что, исчезну, как Маруся? – съязвила я.

Тот лишь пожал плечами.

– Кто знает. Может, исполнится твоя мечта, а может, так навсегда и останешься никчёмной мечтательницей. Так что давай, думай живее и обними уже это дерево, неужели не

видишь, что это портал?!

Я не видела. Честно говоря, я и соображала уже не особо хорошо, но послушно поднялась с земли и, подойдя к дереву, обняла его шершавый ствол. Вот только желаний никаких уже не было. Не чемодан же с деньгами желать в такую ночь. Закрыла глаза, прижалась щекой к коре и неожиданно рассмеялась. Так всегда, что бы ни происходило – смеюсь. Вот такое я странное существо. Но вместе со смехом ушла усталость, страх и чудовищное ощущение растерянности, что принесла эта ночь. Забавно будет потом рассказывать об этом приключении на приёме у психиатра.

Вот как буду объяснять человеку, который всю жизнь верил в доктора Мясникова, Малышеву и гомеопатию, что совершенно случайно можно пройти сквозь дерево и очутиться в волшебном мире.

– Понимаете, доктор, – начну я свой рассказ, – это была самая обычная ночь. Я с подругой залезла на крышу полюбоваться лунным затмением, заодно пожрать бутербродов под размышления о вечном – зачем люди едят суши с майонезом и есть ли у муравьёв маленькие валидолики на случай стресса. Потом мы сходили в бар, потанцевали, обпились кофе в компании карлика и пошли обниматься с деревьями в ближайший парк. В этот момент внезапно налетел ветер, дерево застонало метафизическим басом и, поддавшись чему-то явно иррациональному, словно раскрылось: кора лопнула по шву, внутри засветились всполохи, как светящееся нутро у

волшебного айфона. Я, недолго думая (и не подозревая, что это первая ступень заботы о психическом здоровье), решила проверить, что за спецэффекты мне тут показывают. Дальше – белый шум, звон в ушах и ощущение, что меня просеяли сквозь сито из философских афоризмов.

Итак, давайте знакомиться: меня зовут Вера, и я оказалась в месте, где реальность так явно кричит «помогите», что даже космос подмигивает и выдаёт леденцы в виде волшебной палочки, бодро объявляя, чтобы тщательнее следила за пространством: оно гибкое. Представив заинтересованно вытянувшееся лицо доктора на мой монолог, я вновь хихикнула и, обернувшись ветром, вылетела в окно. И тут же ощутила падение в небо.

Невозможно описать, каково это – быть ветром. Можно лишь попробовать ощутить невероятное чувство свободы и немислимого могущества. Только представьте: вы внезапно перестаёте быть человеком, плотным существом, постоянно сталкивающимся с границами и запретами. Вместо того чтобы идти по земле, вы – движение, нетленная лёгкость, ускользящая сила, которую нельзя удержать или укротить.

Формула «я равно ветер» означает, что мне принадлежит весь мир. Именно я превращаюсь в ярость, рвущую тьму ночных улиц, и я же – ленивое шуршание листвы за окном. Я гуляю по крышам домов, смеясь над теми, кто спешит закрыть от меня ставни своих окон, и я же заигрываю с котом, неспешно прогуливающимся под балконами. Мои ладо-

ни вздымают морские волны, поднимая пену, искрящуюся в солнечных лучах, а ноги растворяются в бесконечных пространствах неба.

Быть ветром – значит обнажиться перед миром. Не в привычном смысле этого слова, а гораздо глубже. Ты не носишь одежду, потому что тебе нечем и не от кого прятаться. Все твои чувства, переживания, страхи и мечты – открыты для твоего собственного восприятия в полной мере. Ты свободен, потому что, кроме свободы, в тебе теперь нет ничего.

Мир принимает тебя таким, как ты есть, – воплощённым в прозрачном, нечеловеческом теле, и ты отвечаешь ему взаимностью. Ты проникаешь везде, где только захочешь: в раскрытые настежь двери, в едва слышный шёпот, не предназначенный ни для кого, кроме богов, в дыхание любимых и чужих, спящих и бодрствующих. Ты огромен и невидим одновременно, становясь всем, потому что перестаёшь быть чем-то одним. В этот момент жизнь кажется игрой – лёгкой и опасной, как порыв урагана. Теперь-то я могу признаться: быть ветром – значит получить возможность разгуляться в полную силу, быть самой собой – резвой, взбалмошной, неумолимо переменчивой... и такой влюблённой в эту жизнь, как никогда до этого. Хотя, казалось бы, уж куда сильнее. И всем этим стала я, и, конечно, едва не разбила коленки, полетев кувырком с откоса, на который решила приземлиться и перевести дух.

...На гладкий кофейный песок волна выбегает пеной,

*И шепчет прибой о любви, о страсти неожиданной.
Ты будешь моим приключением самым желанным,
А утро разбудит рассвет с зарёю румяной...*

Пропела мне волна, принимая в свои объятия. Океан велик и прекрасен, когда лежишь на поверхности в спокойную погоду, вдыхая запахи воды, водорослей, любуясь на проплывающие над тобой облака и два десятка радуг, рассматривающих тебя с нескрываемым любопытством энтузиастов-исследователей. А когда с лёту бухаешься в разноцветную стайку рыб, попутно заглотив литра два солёной воды, то единственная мысль «Какого чёрта?! Откуда в моём городе океан?!» тут же сменяется на «Надеюсь, что акулы тут хорошо кормят и они не откусят мне все три, обещанных коротышкой, шила вместе с их вместилищем». Впрочем, акулы проплыли мимо, сверкнув серебристыми плавниками по своим непостижимым делам, зато дельфины порезвились всласть, подталкивая мою тушку к берегу, крича и подзадоривая друг друга, словно игроки в водное поло.

Выбравшись на берег, рухнула на песок, благо он был тёплый, словно кто-то очень заботливый знал, что мне понадобится передышка, и предварительно прогрел каждую песчинку.

*...На завтрак зелёный кофе с медовыми гренками,
И сладость во взгляде твоём теплом согревает.
Зима здесь лишь снится, в бесснежье, жарком и знойном,
И ветер морской поцелуи мои повторяет...*

Продолжали шептать волны, облизывая мои пятки, но мне уже было не до них. Кажется, эта нескончаемая ночь меня доконала, и сон, не спрашивая разрешения, забрал меня у всех миров сразу.

Сколько я проспала, не знаю, но, открыв глаза, обнаружила, что ещё ночь (или уже – впрочем, не важно). Луна зависла над водой, пуская по волнам лунных зайчиков в погоне за такими же непостижимыми мотыльками, один из которых сейчас сидел у меня на носу, приглаживая усики. Главное, что именно с его крылышек осыпавшаяся пыльца заставила меня чихнуть и проснуться. Что ж, по ощущениям я отлично выспалась, руки-ноги целы и даже настроение приподнято-восхищённое. Оглядев себя внешне, также осталась довольна: всегда мечтала побыть пираткой, а тут такой костюмчик – загляденье: асимметричная юбка глубокого синего цвета, довольно короткая спереди, открывающая ноги в полосатых бордового цвета бриджах и высоких чёрных сапогах. Полосатая кофта с рукавами на три четверти и расшитая серебром жилетка, куча браслетов, сумка через плечо с пришитыми побрякушками и ракушками. Интересно. Что ж, похоже, я всё-таки прошла через портал или же угодила в самый грандиозный розыгрыш. Впрочем, я не против ни того ни другого. Только надо разыскать Маруську с коротышкой. Если, конечно, их не унесло в другую реальность. Кто знает, сколько их разбросано по вселенным.

Вдалеке жёлтыми огнями фонарей сияла набережная.

Поднявшись по ступенькам довольно широкой лестницы, попала в город. Могу поклясться, что это мой город, только вот многоэтажки сменились маленькими аккуратными двухэтажными домиками, отчасти скрытыми невысокими заборами и негустыми зарослями цветущих, неизвестных мне видов, кустов. Окна темны, население, стало быть, дрыхнет. Ну, это вообще нормально: дома у меня сейчас тоже глубокая ночь. Фонари, слава богу, горят, но их здесь не так уж и много, и светят, скажем так, довольно лениво: узорчатые дорожки, выложенные округлым мелким камнем, пересекают полосы тусклого света, а между ними царит вязкая тьма, где на каждом шагу – восторг и ожидание чуда. Так город, в котором я родилась, мог бы выглядеть, если бы не знал ни одной революции и вообще развивался по совершенно другим историческим законам. Хотя многие дома были мне знакомы, и готова поклясться, что если повернуть вон за тот особнячок и пройти ещё метров двести, то уткнёшься в уютную кафешку, в которой, кроме приличного кофе, подают крохотные пирожки с фисташковым кремом.

Глубоко втянула прохладный воздух, пропитанный запахом весенней сырости и какой-то терпкой, незнакомой пряности.

– Ну что же, – тихо сказала я сама себе, поправляя сумку и делая шаг вперёд, – раз уж влипла, надо двигаться дальше. – И, подмигнув луне, зашагала в сторону знакомого особняка. Тишина дышала в спину, подталкивала, торопила, слов-

но опасаясь, что я передумаю и поверну назад. Где-то в отдалении, может быть, на другом конце улицы, дерзко гавкнула собака, и от этого звука казалось, что ночь вздрогнула в интригующем ожидании.

Завернув за угол, заметила, как в одной из подворотен мелькнула тень. В таких случаях первое правило – не реагировать, не показывать страха и, если есть возможность, идти мимо, будто ты не заметил ничего особенного. Но инстинкт заставил меня замедлить шаг: внутри что-то подсказывало – там не просто случайный прохожий. Собравшись с мыслями, присела, сделав вид, что проверяю шнуровку на сапоге. На самом деле подобрала камень и сунула его в карман. Драться я не очень умею, а вот швыряться чем попало – это запросто.

Тень вышла из темноты, оказавшись высоким мужчиной, явно нервничающим, постоянно оглядывающимся по сторонам. Его изящные длинные пальцы теребили подтяжки. Встретившись со мной взглядом, отрывисто спросил:

– Ты тоже здесь в поисках бессмертия?

Голос незнакомца звучал неожиданно спокойно, но в каждом движении читалась тревога. Я не ответила сразу, вначале прислушалась: вдруг шум за спиной или ещё чей-то шаг? Но улица была пуста – только фонарь томно поливал мостовую липким жёлтым светом.

– Вы о чём? – осторожно спросила я, на всякий случай отмечая пути отхода.

– Мы все об этом мечтаем... – Мужчина взглянул на

небо. – Ты замечала, что после полуночи свет здешних фонарей становится более мутным, чем раньше? Будто кто-то специально приглушает город...

Я вздрогнула. Сердце глухо бухнуло от странного предчувствия: ночная улица действительно становилась всё менее узнаваемой, и за мерцающим светом фонарей, как мне показалось, всё же скрывалась какая-то тень – неведомая и древняя, будто город под её гнётом ждал, когда кто-то, вроде меня, заметит разницу.

– Я здесь недавно, – пожала я плечами, стараясь не выдать страх. – Не было времени обратить внимание, но, если вы считаете, что вот-вот что-то начнётся...

– Уже началось, – тихо сказал незнакомец и, отбросив взгляд в темноту, зашагал вперёд, растворяясь между чернеющих заборов и неизвестных, благоухающих кустов.

А я так и осталась стоять, долго впитывая ночную тишину, стараясь осознать, что этот город хранит не один секрет, и, кажется, уже выбрал, какой из них покажет мне.

Кофейня оказалась именно там, где и должна быть. Правда, крыльцо разжилось изящными резными перилами и тремя ступеньками, ведущими к красной двери, а стены оплели побеги дикого винограда, но запах специй, с которыми варили кофе в моём родном городе, остался тот же.

Я прекрасно помнила маленький зал, вдоль стен которого стояли стеллажи, уставленные горшками с кактусами, небольшую уютную террасу, где по вечерам можно насла-

ждать огнями города и таинственными очертаниями башен замков. Здесь, за каждым столиком, случались удивительные истории из жизни посетителей, сроком в выпитую или недопитую чашку кофе, или так и не начавшаяся чужая жизненная повесть, пролившаяся горечью кофейного напитка без сливок на пол.

Мягкие лепестки цветущих деревьев осыпались мне на плечи, когда я заглянула в окно. Город спит и не видит того волшебства, что творится на маленькой кухоньке кафе. Здесь, пересыпанный мукой и специями, забавный пухлый человечек уже замесил тесто для пушистых бархатных кексов с бананами и кедровыми орешками, грушевого пирога с карамельной верхушкой и золотистого песочного печенья с капельками молочного шоколада. Значит, сегодня я вполне могу рассчитывать на тающие во рту вафли с душистым домашним вареньем и пышные пончики, пересыпанные сахарной пудрой. Нежнейшие булочки с корицей и сваренный к ним горьковатый кофе с кардамоном и мускатным орехом или травяной чай из листочков малины, мяты и чёрной смородины.

Поднимаюсь по лесенке, тяну на себя ручку двери – мягко тренькает серебряный колокольчик, приветствуя гостя. Вдыхаю запах. «Да, это моё место», – думаю я, оглядываясь по сторонам, вслушиваясь в гул из смеси голосов, приглушённого смеха, непонятной музыки, отмечая, что свет в зале стал мягче, а на стеллажах, кроме кактусов, теперь живут

тёмно-сиреневые цветы, отдалённо напоминающие орхидеи, поворачивающие свои любопытные сердцевинки в сторону каждого входящего.

За барной стойкой стоит юноша-бариста с выкрашенной в чёрный цвет длинной чёлкой, из-под которой смотрят внимательные светлые глаза, такие яркие, что я, засмотревшись, чуть не села мимо стула. По ощущениям, я его знаю, но вот откуда? Он улыбается и кивает. Странно, но откуда-то я знаю, что получу то, что мне сейчас действительно необходимо. Конечно, можно сделать заказ и самой, но зачем портить миг волшебства, правда?

Смотрю, как он творит свою магию с корицей, мускатным орехом, с кардамоном. Кофе – тот самый каприз, рядом с которым надо стоять, чтобы не убежал, иначе безнадёжно испортится вкус. Следить, чтобы поднялся три раза, после налить ложку холодной воды в джезву и подождать пару минут, чтобы осела гуща. Вот бариста достаёт большую чашку и до краёв наполняет её ароматным напитком, добавляя для мягкости каплю молока. Подаёт чашку мне и пододвигает блюдце с пирожными.

Парнишка совсем молодой, вот только его глаза, изучающие и излучающие нечто своё, отличают его от толпы, в которой всякий путник проживает жизнь на бегу, словно в запасе ещё имеет несколько жизней и эта конкретная жизнь – просто репетиция. Бариста явно из тех, кто не откладывает жизнь на потом. И сейчас явно решает, кто я: живущая или

просто существующая, а может, наблюдающая за жизнью из сновидений.

– Скажи, ты ведь тоже считаешь, что растворимый кофе похож на секс на одну ночь? – он хитро улыбается мне краешками губ. – Покупаешь его в ближайшем магазине, засыпаешь в кружку, заливаешь кипятком и, помешав немного ложкой, пьёшь, чтобы на время зарядиться энергией. То ли дело кофе в зёрнах. За него, как и за настоящие отношения, нужно платить. Приложить усилие, чтобы вышло что-то настоящее, стоящее... перемолоть, с терпением следить, как оно закипает в турке, не позволяя убежать, иначе придётся начинать сначала или довольствоваться тем, что осталось... Как думаешь?

Этот вопрос моментально стирает тревогу, поселившуюся в моём сердце после встречи с незнакомцем под жёлтым фонарём, впрочем, он стёр и само воспоминание об этой встрече.

Кофе... о нём я могу рассуждать часами, неспешно попивая этот волшебный напиток, рискуя однажды в нём раствориться. Подозреваю, что после моей смерти на могилке забьёт кофейный источник, но я отвлеклась. Кофе – это амброзия, что нам оставили боги, уходя на Олимп, или в сумрачные леса, или в какое другое место на вечный отдых. Их наместники: феи, эльфы и добрые духи – пооткрывали кофейни в домах на кривых улочках, отметив их тайным знаком – дымящимся зёрнышком на качающейся от ветра вывеске.

Их не так много, как кажется. Люди научились делать машины, что варят напиток совсем не хуже, но, если ты хоть один раз попробовал настоящий, сваренный вручную, то уже ни с чем не спутаешь.

Да, можно просто пойти на кухню, вскипятить чайник, взять любимую тонкостенную чашку, насыпать туда противный коричневый порошок из красивой банки и залить кипятком, сделать бутерброд с сыром и представить, что всё хорошо. Но мне нужно настоящее волшебство, а оно состоит из щепотки вдохновения, чайной ложки тишины и умиротворения. Из одного мешочка перемолотых зёрен сыплются свежие размышления, из другого – энергия и оптимизм. Прозрачными нитями стекают нити карамельной вдумчивости и озорных приключений. Кружечка смеха, стаканчик сарказма, буквы, слова и ложечка игривости, чуточку злости, милости, дружбы, оптимизма, таинственности, всполох заката – всё, что надо успеть посмотреть, прожить и прочувствовать каждой клеточкой, вдохнуть эту жизнь, наполнить себя... вот что для меня настоящее кофе. И я уверена, что этот светлоглазый, никем не uznанный чародей, смотрящий на меня с лёгкой усмешкой, открыл кофейню у всех на виду и варит в ней кофе, а второй, на кухне, печёт булки с корицей, легонько шаманя на вдохновение для всех тех, кто не хочет жить на бегу...

Я вынырываю из забытья и замечаю, что бариста успел сварить мне ещё кофе. Мятного цвета чашка, с парой кофей-

ных зёрен на блюде, пакетик сахара, стакан ледяной воды, кусочек шоколада с орехом. Отпиваю глоток и ощущаю, как ково это, когда желания сбываются, поддвигаю ближе к себе тарелочку с пирожными. Чем буду расплачиваться, не представляю, потом придумаю.

– За счёт заведения, – улыбается бариста. – Не каждый день к нам заходит на кофе такой симпатичный ветер. Честно говоря, впервые.

Смеюсь и удивляюсь, насколько звонко звучит теперь смех, не просто громко, а невероятно приятно, слушала бы и слушала.

– Спасибо, но меня зовут...

– Тсс... – прижимает палец к губам бариста. – Не нужно тянуть из прошлого имена, придумай себе такое, чтоб с ним жить здесь, в Абре!

– Так вот как называется этот город, а я думала, что у него другое название.

– Абра стоит на границе всех существующих миров и когда-либо существовавших, не удивительно, что ты нашла общие черты с тем, в котором родилась. Вопрос в том, как ты решишь распорядиться своим шансом. Большинство заходящих в моё кафе – туристы: приходят, оглядываются, восхищаются и возвращаются домой, страшась перемен. Есть другие: они остаются и живут простыми обывателями, потихоньку привыкая к чудесам и радуясь, что лишь наблюдают их. И уж совсем единицы ныряют в своё «хочу, дай» с голо-

вой, как в омут. Многие тонут. Но есть и те, немногие, особо упрямые, кто вцепляется в магию такой хваткой, что ей не остаётся ничего другого, как только записать этого безумца в любимцы или убить...

– Убить? – я едва не подавилась пирожным.

– Ага, – довольно усмехнулся на мою ошарашенную физиономию парнишка. – Если не готов умереть за свою мечту, то зачем подпрыгивать и орать «дай»?!

– И что мне теперь делать? – расстроено спрашиваю я.

– Дать себе имя и, пожалуй, прогуляться. У нас здесь очень красиво! А там сама решишь, кто ты: турист, обыватель или та, что готова вывернуть мир наизнанку ради мечты...

Знаешь, начать всё с нуля – это не безумие. Безумие – это постоянно оправдывать свои страхи, говоря себе и всем, что это, мол, судьба у меня такая, несчастливая, и я ей не указ. Я же в душе всегда верила, что особенная, а значит, со мной обязательно случится что-то необыкновенное. Без этого никак. Хоть тресни. Хотя до этого момента самое непостижимое со мной случалось лишь во снах.

Сны... Это удивительная, неподвластная ни времени, ни возрасту туманная дымка. Как узнать, где мы настоящие: здесь или там? Точнее, где оно, наше настоящее?

А ещё бывают сны во сне. Это такая тонкая кисея, сотканная из звёздной пыли, через которую попадаешь в другую реальность. Именно в то настоящее, из которого потом, воз-

вращаясь, ещё некоторое время лежишь в постели, не веря, что это был только сон. Или нет?

Когда я не понимаю, что происходит, теряюсь в способностях воспринимать запахи, видеть цвет и его оттенки, то слушаю джаз или что-то такое, без слов, и тогда мои все-ленные сходятся. Музыка притормаживает время, давая возможность рассмотреть его через любую проекцию, спокойно, подробно, не торопясь. Вот оно стекает по коже капельками кофейного дождя. Горячего, каким может напоить только жаркое солнце пустыни. А вот в волосах ветер запутывает снежинки – хрупких дочерей вечности. Они кружатся вокруг меня маленьким вихрем, обдувая солёным ветром, подсвечиваемым светом молний.

Как ни странно, в такие вечера я всегда жалею, что совсем не умею курить. Было бы красиво: длинное тёмно-синее платье в пол с до неприличия открытой спиной. В одной руке мундштук с тонкой сигарой со сладковатым запахом миндаля, в другой – длинная нитка жемчужных бус, что рвётся, и бусины с весёлым стуком, перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, мчатся впереди меня. Медленно спускаюсь вниз по широкой лестнице в сад, за которым шумит море с купающейся в ней огромной луной. Этот образ очень точно соответствовал бы таинству ночного проявления нежнейшего шёлка моих образов, горького шоколада и сладкого молока...

Музыка и сны – два заговорщика, способные полностью

поглощать человека, уносить в особую атмосферу. Уносить в горностаевый туман нежности, заворачивая в волшебство иллюзий, чудесно настраивая на определённый лад тональность души, в которой нет места фальши. . . А начать всё с нуля во сне – это же то самое предложение, от которого невозможно отказаться. В крайнем случае проснёшься, если уж станет слишком страшно, и, возможно, даже в сухой постели. Но это не точно.

Об этом я размышляла, сидя на одной из крыш города, разглядывая вытянутую овальную площадь, мощёную разноцветными плоскими камешками, вдоль которой стояли белокаменные дома, усыпанные медными заклёпками по углам, с узловатыми трубами, проходящими по всем стенам. На некоторых кирпичная кладка сменялась грубо обработанным деревом. И вся эта красота разбавлялась цветущими деревьями, под тенью которых прятались изящные лавочки, усыпанные бело-розовыми лепестками яблонь, словно кто-то ловко смешал романтику стимпанка и женские романы. Правда, местное население ждёт сюрприз: теперь на середине площади высится фонтан в виде огромной рыбы, из пасти которой бьют струи разноцветной воды. Каждая струя имеет свой вкус и даже градус. В глубокой чаше фонтана смешиваются струи рома, кока-колы, сиропы от кашля, грейпфрутового сока и ещё куча других разных напитков, приобретающая вкус грога. Полагаю, местные будут счастливы, увидев это чудо поутру. Именно неожиданное сотворение фонтана

окончательно убедило меня, что я сплю. Возможность становиться ветром, по-особому стукнув о землю пяткой, мне казалась настолько естественной, словно я всю жизнь только этим и занималась. А вот создать фонтан в месте своего неудачного приземления – такого за собой не наблюдала. Впрочем, от размышлений меня отвлекла интересная процессия, вынырнувшая из-под арки и спешно прошествовавшая мимо меня к самому новому дому на площади.

Четверо мужчин (почему-то я была уверена, что эти фигуры, плотно закутанные в плащи с низко надвинутыми капюшонами, именно мужские) крепко держали за руки четверых малышей, смешно путающихся в складках таких же тёмно-коричневых плащей. До рассвета оставался ещё час или два, так что в это время детям положено спать, а не шарахаться по ночному городу. Впрочем, заведя малышню в дом, одна из фигур заперла за ними дверь и, что-то сказав спутникам, выдала каждому часы на цепочках, которые те поспешно нацепили на себя, и, встав по углам здания, воздели руки к небу.

Конечно, я не могла себе позволить пропустить такое шоу и перебралась на ближайшее к дому дерево, благо, когда ты ветер, это совсем не составляет труда. Таинственные люди молчали, при этом активно шевелили пальцами, словно плели невидимую сеть. Растущая Луна, зацепившись рогом за одну из труб, водопадом пролилась по крыше, стекла по стенам и растеклась лужей у крыльца. Стало настолько тихо, что

казалось, я слышу, как стучит спицами Макошь, сплетая в немислимый узор мою судьбу.

Пока пыталась справиться с наваждением, дом подёрнулся дымкой, задрожал, покрылся трещинами и на мгновение исчез, словно его поглотило само ничто. Когда же дом вновь проявился среди цветущих кустов, очки бы не потребовались, чтобы заметить перемены: стены потрескались от вековых забот и стали ниже, кирпичи приобрели мрачно-зеленоватый оттенок, окна, некогда яркие и озорные, потускнели и почти полностью скрылись за широкими листьями какого-то ползущего растения. Дом стал старше – не на годы, нет, на столетия; насколько именно, сказать было сложно, но ощущение собственной незначительности перед лицом такой внезапно явленной истории было почти физическим.

«Ну ничего себе», – только и подумалось мне, прежде чем любопытство, как всегда, победило осторожность. Я вновь обернулась ветром – лёгким, скольльзящим, почти невидимым – и влетела в окно, чтобы собственными глазами увидеть, что теперь скрывается за изменившимся фасадом. Щекоча занавески, бесшумно ступила внутрь, с головокружением перемещаясь из одного времени в другое.

Внутри пахло сыростью, старыми книгами и мышами. Гулкий звук шагов. Стены, похожие на потрескавшуюся слюдяную скорлупу, пол, покрытый густым слоем пыли. В дымчатом воздухе застывшее эхо беготни, смеха, обрывки недавно сказанных фраз. Но самой детворы, вбежавшей сю-

да минуту назад, не видно. Моё сердце сжалось от непрошенной тревоги. Оглянулась: только длинные тени скользят по паркету, будто дети и вправду растворились где-то между эпохами.

Прислушалась к звукам в доме. Где-то вдалеке донеслось приглушённое хихиканье – не настоящее, а словно зазвучавшее с другой стороны зеркала. Решив спуститься на первый этаж, прошла вглубь коридора, где в темноте белела лестница, но едва ступив на неё, меня окружило странное ощущение: воздух сделался плотнее, а каждая ступень под ногами отзывалась дрожью чужого времени.

И тут я поняла: дети не исчезли, они стали частью этого изменившегося дома, растворились в его стенах, стали записями на затёртом паркете, тенями в прожилках на потолке. Их игра продолжалась, но правила стали опасней и мистичней. Теперь они духи, запертые в этих стенах, и кто знает, где для них конец шалости, а где начало настоящей магии. В старых домах не стоит забывать, что время – не самое доброе существо во вселенной, прощать не умеет, а потому не всегда возвращает назад тех, кто играет с его пределами. А то, что здесь произошло нечто недопустимое, я не сомневалась. Просто знала – и всё. А ещё я знала, что если немедленно не уберусь отсюда, то присоединюсь к когорте затерянных в междумирье детишек.

Тихо вздохнув, легонько притопнула и вылетела сквозняком в окно. Загадочных людей в плащах уже не было, а дом –

что дом, загадочный и древний – он сонно вздыхал, поскрипывая ставнями, и глухо сопел печными трубами, словно ничего не произошло. Но я-то знала: провести в нём немного времени – значит рискнуть исчезнуть самой. Вот только тайна, повисшая над этой крышей, не собиралась меня так просто отпускать. Да я и сама уже понимала, что помру от любопытства, если не найду отгадку произошедшего в ближайшее время.

Часть 2

Часть 2

... Чудеса не противоречат законам природы,
Чаще мы противоречим и тем и другим...

Ещё два дня я провела на улицах этого удивительного города, вобравшего в себя все мыслимые и немыслимые архитектурные формы, мирно соседствующие друг с другом. Пару раз столкнулась с огромным патрульным воздушным шаром, обескуражив его пилотов внезапной сменой направления. Забавные ребята, почти совсем не рассердились на мою невнимательность. Впрочем, на ветер сердиться нельзя – стихия, что с него, точнее, с меня взять. А бдительностью я никогда не отличалась. Дневной город влюблял в себя всё сильнее, а вот ночной пугал до дрожи. Каждый раз перед рассветом появлялись эти странные люди, и дома окутывались дымкой, превращаясь чуть ли не в развалины. В их стенах бесследно исчезали дети, а пространство внутри застывало, словно залитая смолой вечность. Из окон лилась тоска, окрашивая ближайшие цветущие ветки деревьев в лиловый цвет. Проследить за загадочными мужчинами тоже не вышло: они таяли в предрассветной дымке сразу, как только ритуал заканчивался, и даже следов не оставалось. Я проверяла – трава, на которой они стояли, оставалась непрямой.

2025

А вот на третью ночь мне повезло. Пролетая мимо одного из домов, услышала интереснейший разговор и нагло расположилась на подоконнике подслушать, благо лёгкого сквознячка двое мужчин, ведущих неспешную беседу, явно не опасались.

– Мира, примерно так же, как я: чертовски довольна собой, устала, возбуждена и горда. И по-прежнему в полном отчаянии, потому что мы делаем невозможное, а толку от этого невозможного... – симпатичный человек в зелёном плаще, удивительно похожий на молодого Жана Маре, неторопливо отпил из кружки и, довольно щёлкнув языком, провёл над ней ладонью, отчего из неё выплыло облачко в виде любопытной лисички и лениво поплыло в мою сторону. – Ладно, не стану говорить «ноль». Я просто не знаю. И никто не знает. Всё ведомство на ушах стоит, но к каждому ребёнку не приставишь по полицейскому. Учитывая, что многие из них исчезают прямо из кроваток. А в замороченные дома даже я не вхожу, не обвешавшись с ног до головы амулетами. Что говорить про простых служак верховного ведомства – у них такая паника случается, что приходится связывать, чтоб из окон не повыпрыгивали. – Говорящий замолчал и протянул руку к кофейнику, потом передумал и вместо этого достал из-под стола бутылку с тёмной, искрящейся жидкостью. Плеснул в чашку, отпил, улыбнулся. – Всё-таки есть маленькие радости в нашей работе: кто ещё может похвастаться,

что пьёт кикеон возрастом в несколько тысяч лет, пока решает задачку во имя всего светлого и непонятного. А что, если завтра выяснится, что всё это никому не сдалось? Или вообще померещилось?

Второй, постарше, с внешностью сорокалетнего Джуда Лоу, пожал плечами:

– Когда понимаешь, что дерёшься с невозможным и пока ты что-то чувствуешь – ты живой. Цени!

С улицы донёсся вой сирены. В свете фонаря мелькнула тень. Тот, что постарше, не обратив на противный звук внимания, продолжил:

– Когда всё закончится – даже если никто не оценит, – мы всё равно будем знать, что смогли сделать невозможное. Хоть толку и неизвестно сколько.

Он хитро улыбнулся. Молодой кивнул и поднял вверх кружку:

– За невозможное. За нас! – сделал глоток, подмигнул старшему, не спеша поставил кружку на место. Чуть наклонил голову, словно к чему-то прислушиваясь, и, неожиданно перепрыгнув через стол, схватив меня за шкурку, втащил внутрь комнаты. Хорошенько встряхнул, словно тряпичную куклу, и, подняв так, чтобы моё лицо оказалось напротив его, насмешливо спросил:

– Тебе не говорили, что подслушивать нехорошо?

Я настолько растерялась, что даже не нашлась как ответить, лишь попыталась хорошенечко пнуть его по колену, но

промахнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.